

— Отец, мам, я вернулся.

— Вернулся — и ладно.

— Цзиншо! Голодный, небось? Мы с отцом тебя совсем заждались. Я приготовила твои любимые блюда. Сполосни руки — и сразу за стол.

— Хорошо, мам.

— Садись, Цзиншо, попробуй. Вот грибная капуста, вот картофельная соломка в кисло-остром соусе, а вот суп с томатами и яйцом... Ну же, угощайся.

— Мам... к чему такие траты? Это же кучу кредитов стоит.

— Какая глупость. Разве ты не наш сын?

— Да...

За столом воцарилось молчание.

— Наелся, Цзиншо?

— Да, спасибо, мам, пап. Всё было очень вкусно.

— Время ещё детское, — подал голос отец. — Может, заглянем на ферму, прогуляемся?

— Давайте, — согласился Цзиншо.

Два месяца — срок вроде бы и немалый, но пролетел он быстро. Во всяком случае, когда Фэй Цзиншо вместе с родителями переступил порог теплицы, у него не возникло и тени чувства отчуждения. Всё здесь было до боли знакомым.

Инструменты лежали на прежних местах, на грядках росли те же культуры, даже расстояние между ними соблюдалось с аптечной точностью.

Казалось, время повернуло вспять, и всё вернулось на круги своя.

— Погляди, Цзиншо... Мы с отцом так старались, а с грибной капустой всё равно ничего не вышло.

Из задумчивости его вырвал упавший, полный разочарования голос матери.

Наваждение рассеялось. Цзиншо пошёл на звук и поймал себя на том, что ноги сами привели его в небольшую пристройку. На четырёх аккуратных грядках сиротливо теснились побеги грибной капусты и грибной травы. И те и другие выглядели жалко: листья пожелтели и пожухли, в них совсем не чувствовалось жизни.

Вэнь Цзися сжимала в руке детектор-щуп, только что опущенный в почву. Она отчаянно пыталась скрыть досаду, но когда она повернулась к сыну, её выдавала затаённая горечь, замаскированная под мягкую улыбку.

Цзиншо опустил глаза и тихо спросил:

— И в самом деле... почему же так получилось?

Вэнь Цзися на мгновение опешила от его тона. Она сильнее стиснула прибор, но тут же взяла себя в руки, спрятала щуп и шагнула к сыну. Помедлив, она порывисто схватила его за ладони.

От этого прикосновения оба вздрогнули. Вэнь Цзися сжала его пальцы крепче, но ладони её оставались ледяными.

— Вот и я думаю: почему? — заговорила она вкрадчиво, заглядывая ему в глаза. — Цзиншо, перед уходом ты ведь сам говорил, что рядом с грибной капустой нужно сажать грибную траву. Ты так и сделал, и твоя капуста выросла до восьмого ранга! Скажи... может, у тебя есть какой-то секрет, о котором ты умолчал?

Голос её звучал ласково, она смотрела с робкой надеждой. От тепла его рук её ладони постепенно начали согреваться.

Цзиншо вгляделся в это лицо, которое было так похоже на его собственное — почти один в один. Он горько усмехнулся.

— Мам, так вот зачем вы меня позвали. Это ведь и была главная причина, верно?

Солнце ещё не село. Его лучи, пробиваясь сквозь защитный купол теплицы, ложились на плечи юноши неровными бликами. На первый взгляд он казался прежним — всё тем же покладистым, мягким Цзиншо, у которого никогда не было острых углов. Но эта спокойная улыбка и пронзительный, всё понимающий взгляд заставили Вэнь Цзися на мгновение замереть. Все заготовленные речи, которые она часами репетировала про себя, вмиг вылетели из головы.

— Да как ты... как ты мог подумать? — выдавила она блеклое, неуверенное оправдание, даже не успев сообразить, что говорит.

— Ну конечно. Так даже проще, — Цзиншо негромко рассмеялся. — Пап, мам, не нужно было тратить столько кредитов на покупку деликатесов. Вы ведь сами сказали: я ваш сын. А помогать родителям — мой сыновний долг.

«Действительно, сын».

Больше двадцати лет обид, глухого раздражения и упрёков, но они всё же вырастили его. Просто потому, что он был их сыном. И теперь, когда он вырос и обрёл силу, пришло время отдавать долги. Праздничный ужин за шестьсот кредитов оказался пустой тратой денег. Как и все эти наигранные улыбки.

Вэнь Цзися резко вырвала свои руки. Цзиншо не пытался её удержать — он лишь послушно сделал пару шагов назад. Вэнь Цзися вскинула голову, и вся её напускная нежность, вся ласка мигом испарились, обнажив привычную холодность.

— Фэй Цзиншо! — выплюнула она. — Мы с твоим отцом своими глазами видели: ты просто сажал грибную траву между рядами грибной капусты. У тебя она выросла до восьмого ранга! А у нас? Наша капуста скатилась обратно к девятому! Ты ведь нарочно утаил от нас секрет, да?!

«Нарочно?»

В то время, когда он за душой не имел ни гроша и не знал, добудет ли себе пропитание на следующий день?

В то время, когда за одну несчастную попытку вырастить грибную траву его осыпали яростными упрёками, и ему приходилось униженно вымаливать единственный росток капусты, притворяясь, будто это просто глупая игрушка?

Наконец-то этот приторный семейный спектакль закончился. Настоящая Вэнь Цзися вернулась — злая, колючая, именно такая, какой Цзиншо помнил её всю жизнь.

Он смотрел на мать и продолжал улыбаться — мягко, спокойно, словно эта фальшивая сцена не задела его за живое.

Словно в его голове не крутились сейчас сотни горьких и ядовитых мыслей.

Словно его израненное сердце не сжималось от глупой, неосознанной радости, которую он испытал, поверив на миг в тепло семейного очага.

Словно сейчас, когда правда выплыла наружу, грудь не сдавливала тупая, невыносимая боль.

Цзиншо молча обошёл застывшую мать. Он взял детектор-щуп и опустил его в грядку с

грибной капустой. Прибор послушно пискнул: девятый ранг. Все до единого кусты были девятого ранга.

Грибная трава была высажена в точности так, как делал он сам. Цзиншо слегка коснулся пальцами увядающих листьев, но так и не смог понять, в чём дело.

Быть может, единственным отличием этой фермы от его собственной было отсутствие Сяо Цина?

— Мам, мне нечего скрывать, — ровным голосом ответил он. — Вы посадили всё правильно, в точности как я. Почему грибная капуста не растёт — я не знаю. Но у меня на ферме как раз подрастает новая партия. Если хотите, я могу прислать вам рассаду, попробуете вырастить её.

— Попробовать?! — Вэнь Цзися сорвалась на крик. — И снова получить жалкий девятый ранг?! Вот, значит, как ты решил отделаться, Фэй Цзиншо? Откупиться парой ростков и считать, что выполнил свой долг?! Ты наш сын! Как у тебя только совесть позволяет так поступать с собственными родителями? Ты ведь с самого детства затаил на нас злобу! Ты спишь и видишь, чтобы мы с отцом до конца дней прозябали в этой нищете! Вот почему ты молчишь! Вот почему утаиваешь свой секрет!

Сбросив маску напускной нежности, Вэнь Цзися мгновенно преобразилась. Спокойствие уступило место удушающей злобе, а её голос звенел от ярости. Каждое слово было тщательно нацелено, чтобы ударить по больному, ранить как можно глубже.

Цзиншо смотрел на брызжущую ядом мать, затем перевёл взгляд на отца, который всё это время безмолвно стоял в стороне. Несмотря на то что из-за тупой боли в груди ему было трудно дышать, юноша оставался внешне безучастным. Эти люди были родителями прежнего владельца тела. Переродившись в новом мире, он не почувствовал от них ни капли тепла, и всё же, когда Фэй Вэйи позвонил ему, он без колебаний приехал. Он занял это тело, а значит, был обязан позаботиться о тех, кто его вырастил. Как-никак, они дали ему приют.

Но теперь стало ясно: всё это было зря. Он просто тешил себя иллюзиями.

Вэнь Цзися истолковала его молчание по-своему. Она обвела безумным взглядом грядки с чахлой грибной капустой, лишившей её последней надежды, и её охватила неприкрытая, чистая ненависть.

Почему этот мальчишка такой?

Почему он всегда был таким?

Почему он ни разу в жизни не подумал о родителях?

Зачем им вообще нужен такой сын?

Он ни на что не годен.

Один лишь позор. Вечное, несмываемое пятно на их семье.

— Знала бы я тогда... не стоило мне... — выдавливала она сквозь зубы, захлёбываясь от злости.

— Цзися, замолчи! Он твой сын! — Фэй Вэйи наконец не выдержал. Он шагнул из тени пристройки и тяжело прикрикнул на жену.

Всё повторялось точь-в-точь как в детстве. Но на этот раз Цзиншо не собирался делать вид, будто ничего не происходит.

Его выражение лица, обычно мягкое и покладистое, вдруг стало резким, а сам он посмотрел с холодной решимостью.

— Папа, не нужно её останавливать, — твёрдо произнёс он. — Я давно хотел узнать. Каждый раз, когда мама пытается это сказать, ты обрываешь её на полуслове. Что там, за этой недосказанностью? Мам, ты ведь хотела сказать, что тебе не следовало меня рожать? Знаешь... мне и самому интересно. Отец, мама... Раз уж вы с самого начала меня ненавидели, зачем вообще подарили мне жизнь?

<http://bllate.org/book/18999/1961335>